

Арена

«Бабушка-бабушка, а зачем тебе такие большие уши?»

— Чтобы тебя лучше слышать, внученька.

— А зачем тебе такие большие глаза?

— Чтобы лучше тебя видеть...

Волк примитивен — на все вопросы у него готовы ответы...

(Из дневника поклонника цирка).

КТОМУ времени, когда Игорю Петрухину исполнилось 20 лет, он обладал недюжинной силой, красивым «накачаным» (занимался атлетической гимнастикой) телом, разрядом по боксу, достаточно ясной головой, определенным образованием (из восьмого класса школы был исключен, приборостроительный техникум закончил с отличием) и — полным непониманием, зачем ему все это...

Двадцать лет спустя известный артист цирка Игорь Петрухин в разговоре с журналистом искренне, словно его заподозрили в чем-то нехорошем, возмущился:

— Да какие интересы? Вы что!

Видимо, действительно, на Почтовой, Ирининской и «иже с ними» улицах Москвы в конце пятидесятых—шестидесятых интересоваться чем-то, кроме спорта, было настолько «дурным тоном», что осталось в крови. «В доме напротив моего жил паренек — он все время играл на скрипке. Это нас очень раздражало», — вспоминал Петрухин.

А спорт...

— Спортом увлекались все. В школе самым уважаемым и любимым был учитель физкультуры Виктор Александрович Корольков. Все мальчишки любили его, родители шли не к директору, завучу, а — к нему. Он был не просто учителем физкультуры, а Учителем, педагогом.

Еще все мы ходили и в секции борьбы, бокса. В нашем районе как раз было два ДСО — «Спартак» и «Трудовые резервы», в которых выросли практически все чемпионы по боксу Олимпийских игр, мира, Европы тех времен.

«Андерсеновский гадкий утенок» много вытерпел, прежде чем стать лебедем, но никак другим он стать не мог. То, что в непохожем птичий двор не увидел лебедя, трагедия двора. А мальчишка с Ирининской улицы вполне мог лебедем и не стать. Так что же становится решающим? Трудолюбие? Кто-то прозорливый? Случай?

(Из дневника поклонника цирка).

КТО ЗНАЕТ, что в тот вечер привело Владимира Довейко, только что вернувшегося из Турции, в кинотеатр «III Интернационал», когда он восхитился «артистом» из киножурнала «Хочу все знать». «Так это наш, а не артист никакой», — сказала ему директор кинотеатра, — ходит тут постоянно.

И известный акробат, руководитель номера, решил познакомиться с молодым человеком.

— Он увидел меня и пригласил в цирк, в номер — ему нужен был нижний. Сразу дали 130 рублей, суточные. Что я чувствовал? Мне было все равно. А вот когда приехал в Свердловск, увидел, как работает Довейко, стало страшно — захотелось взять обратный билет и удрать ночью в Москву. Дальше — хуже. На первую репетицию, на новенького сбежался весь цирк, а на меня двое взобрались, и я рухнул. Здоровый-то я был здоровый, но надо же что-то и уметь еще. А до того в цирке ни разу не был! Ни одного элемента акробатики не знал.

— Научились?

— Понял, что цирк — это адский труд до пота и мозолей на руках. Тяжело, с трудом, но — научился. Стал работать. Ездил по стране, за рубежом побывали...

Все вроде хорошо складывалось, но через четыре года Петрухин от Довейко ушел.

— Тянуло меня к силовому жонглированию. Я увидел Херца (Всеволод Георгиевич — лучший силовой жонглер вообще), Анохина, с Филатовыми познакомился, с его дочерью, Татьяной, семья стала складываться...

Петрухин стал работать у Филатова и самостоятельно сделал номер — силовой жонглер... А потом? Потом все пошло, как в той песне о черном и белом цвете.

Он вроде работал, и работал неплохо, но в глубине души понимал: главное — впереди...

...Однажды поздним вечером после представления за невытертым столиком в цирковом буфете коверный гово-

— Многие этим заигрываются. А этим надо или серьезно заниматься или не трогать вообще... Думаю над номером, медведи нужны хорошие.

«Как-то звонил я одному режиссеру, старому мудрому человеку, ученику Станиславского. В первые же минуты разговора поразил он меня тем, что по выговору определил, из какой я области родом. Мне кажется, дрессировщик Петрухин мог бы с первого взгляда определить, что из какого зверя выйдет, но, слышал я, он «бракуют» зверей, лишь попробовав их в деле, лишь убедившись, что медвежонок испорчен окончательно теми руками, в которых побывал».

(Из дневника поклонника цирка).

— ИГОРЬ, мне кажется, что одно из самых не-

достоинству могли бы оценить «Торжество жизни» — будем надеяться, что у зрителей Минска такая встреча впереди. Это тоже целый спектакль, сплав цирка, танца, пантомимы, спорта — необычно глубокий и тонкий по смыслу и просто великолепно красивый. По-моему, ничего подобного в цирке еще не было.

«Мне всегда импонировал Давид Кипиани: я видел на футбольном поле мыслящего человека».

У Петрухина на манеже отработанная до автоматизма улыбка (особенно заметно это, когда сидишь близко), заученные движения, взгляд, а — не покидает чувство, что всегда возникало у меня, когда выходил на поле Кипиани».

(Из дневника поклонника цирка).



рил, как умеют говорить только они, молодому дрессировщику: «А что — если в лапы медведя веник сунуть? И пусть он им машет!» — «Машет, машет — ну и что?» — зло отвечал недовольный ни номером, ни собой дрессировщик.

— Я тогда номер работал — «Филатов для бедных» называется. То же, что Валентин Иванович, только гораздо хуже, — в ироничном отношении к себе Петрухин беспощаден. — Через неделю после разговора в буфете Толя Смыков спрашивает: «Ну, что, начал репетировать веник?». — «Да иди ты!» — говорю. И только через два года я снова вспомнил про Толю, про веник. А через три недели была готова «Баня».

«Никак не могу понять, в чем феномен этой знаменитой петрухинской «Медвежьей бани»? Может, в узнаваемости характеров, типичности ситуаций? Своеобразная пародия на столь милую тему. Это такой мини-спектакль, где кажется: медведь — это вовсе не зверь, а человек, одетый в медвежью шкуру. Он садится на лавку, опускает лапы в таз, показывает на спину — поддай, мол, жарку. Зал падает со смеху, и я, зная этот номер наизусть, удерживаюсь от смеха не могу. А сегодня мне еще и «в лоб» объяснили, что когда дрессировщик на манеже без стены и прикормки работает, это высший класс дрессуры».

(Из дневника поклонника цирка).

— ИГОРЬ, ни в коей мере не думая обидеть кого-то, хочу спросить: ведь есть в цирке люди, которые всю жизнь делают одно и то же...

— И это нужно.

— Вы с «Баней» тоже, наверное, могли бы спокойно жить, ездить на гастроли, за границу, получать неплохие деньги.

— Нет. Я вообще больше двух месяцев одно и то же делать не могу, хочется чего-то нового. И потом: если не двигаться вперед, то это значит остановиться. Теперь вот новый номер задумал: медвежье каратэ.

— Также своего рода пародия?

удачных мест в новой программе Московского цирка на Ленинских горах — «восточный номер». Зритель «каждый»: ему хочется и вас с Леной увидеть, и змей ваших, и йога, а — не получается. Кто-то смотрит на Петрухина и Комарову, кто-то на Михаила Плиску.

— Так задумал режиссер, да мы с Леной и должны были стать фоном.

— Но не стали, насколько я могу судить по залу.

— Какая наша вина? Что даже кусочек из новой программы интересен? Значит, не зря отдано ей семь лет, если считать от замысла, и два года целенаправленной ежедневной работы.

Этот номер — он называется «Торжество жизни» — стоит, чтобы о нем рассказать подробнее. Восточная культура, виды спорта, воинские искусства тянули Игоря давно, и было бы странно, если бы он не захотел перенести все это на арену. Началось все со змей — Петрухин пытался сделать номер с питонами, выглядело это очень эффектно; одно появление артиста в белоснежном костюме с питоном, аккуратно обвивающем его шею, вызвало бурную реакцию зала. Но Петрухин не был бы Петрухиным, если бы считал эти аплодисменты главным итогом работы над номером. Он задумал грандиозное действо с яркими костюмами, реквизитом, конечно, змеями и восточным оружием. И главным здесь должна стать идея вечной борьбы Добра и Зла, всепобеждающей победы Разума и Красоты.

Лену Комарову он встретил в тот момент, когда весь с головой ушел в этот свой номер. Лена, отработав в группе Владимира Довейко (того самого, который когда-то открыл Петрухина), находилась не у дел.

Ей было 17 лет, она занималась спортивной гимнастикой, работала с Куратановым и Довейко, но, когда подросла, вес и рост уже не позволяли ей оставаться в прежних номерах. Вот на этом распытье и встретил ее Петрухин. Как он мог разглядеть в этом абсолютно русском лице и белокурой челке «восточную» красавицу, остается загадкой. Только учителем он оказался строгим и неумолимым, не прощал и минутных опозданий на репетиции, заставлял чистить клетки, ухаживать за питонами и работать, работать, работать.

Лена виртуозно владеет восточными видами оружия, прекрасно держится и очень эффектно смотрится в шароварах и со змеей. А Петрухин недоволен, заставляет по многу раз повторять одно и то же, до блеска, до филигранности шлифуя номер. «Торжество жизни» увидели зрители Тулы. Жаль, что в нынешнюю программу на Ленинских горах вошла лишь знаменитая «Баня». Москвичи, конечно, по-

— ИГОРЬ, откуда у вас интерес к Востоку?

— Во-первых, это экзотика: необычность названий, картин, костюмов, обычаев, языка. Экзотика всегда влечет.

— То есть сначала чисто внешний интерес?

— «Внутренний» надо же чем-то породить. Модное нынче течение «ку-шу» тоже подразделяется на внутреннее и внешнее, первое глубже, сложнее, второе — около 300 видов — проще. Одно время у меня и было так — мода. А потом стал читать, узнавать все больше и больше, увлекся по-настоящему. Огромное влияние и помощь оказал мне инструктор по рукопашному бою Касьянов, он работает в Московском военном округе. Мы познакомились с ним на съемках фильма «Цирк приехал» и стали друзьями.

Мой новый номер, знаю, не идеален по стилистике, по характеру, хотя бы потому, что он собирателен: Япония, Индия, Китай.

— Но это — нетрадиционный цирк?

— Вы верно заметили — это сплав искусств. Такой прием, как ажурный задник, — это чисто театральный прием. Но цирк — это всегда экзотика. Да, такого почти не было. Это монотипный номер, решается просто: и хороший спектакль, и хороший номер. Жаль, что москвичи пока не могут увидеть его целиком.

«Решился зайти в гардеробную к артисту. Какой он усталый после представления. Но, зайдя в гардероб, подобрался, как бы снял с себя усталость, словно грим. Я знал, что это очень тяжело — «накинь-то» 5—7 минут на арене, но не видел, как это тяжело; однако артисты, похоже, очень не любят, когда за ними подглядывают в минуты одиночества. Петрухин бросил мельком, как бы оправдываясь: «Рабочий день у меня в семь начинается, а то и раньше».

Представление заканчивается в десять».

(Из дневника поклонника цирка).

— ЧТО БОЛЬШЕ всего тревожит вас сегодня в цирке, Игорь Филиппович?

— В цирке много молодых людей, из которых можно «делать» Бугримову, Филатову, Херцу. Но никто этого не делает. Никто не помогает молодым. Сейчас даже в цирках идут не на программу, а на имя. Где эти имена? Кто их открывает? Делал я новый номер — многие мне помогали, а многие и мешали. Но мне чуточку легче, а совсем молодым как-то?

Если бы каждый честно делал свое дело... Понимаете, честно, выкладываясь, как бы зная: одно неверное движение, неискренний поступок грозят тебе травмой, болью, провалом... Все было бы немного по-другому.

«Был в шапите в парке Горького. Какие талантливые добрые люди! И — щедрые. Но вот забавно, советую мне: скорее посмотри в новом цирке Петрухина. Вот это артист!».

(Из дневника поклонника цирка).

М. БЕЛОВСКИЙ.